

The background of the cover is a vibrant, abstract illustration. It features a dark blue and purple sky with a diagonal white line and several white dots. Below the sky, there are stylized, white, vertical shapes that resemble trees or tall grasses. These shapes are decorated with various colored, textured patches in shades of yellow, green, and blue. The overall style is artistic and modern.

Александр Ермилов

ЖИЗНЬ ВНУТРИ

Сборник рассказов

Александр Ермилов

Жизнь внутри. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Ермилов А.

Жизнь внутри. Сборник рассказов / А. Ермилов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503192-1

Клим К. — житель городской окраины, проводит дни в поисках работы, но постепенно понимает, что все вакансии заняты будущими выпускниками, а за всеми уволенными следит специальная служба контроля уровня безработицы. Абсурд / сатира / современная проза. Сборник рассказов.

ISBN 978-5-00-503192-1

© Ермилов А.
© Издательские решения

Содержание

Вы умерли!	6
Туняец	9
Работа, работа!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жизнь внутри

Сборник рассказов

Александр Ермилов

© Александр Ермилов, 2019

ISBN 978-5-0050-3192-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы умерли! рассказ

Металлическая дверь громко хлопнула, щелкнула, закрывая темное прохладное нутро подъезда от волнистой жары летнего двора, покрытого густой зеленью, сверкающей новой разноцветной детской площадкой, засунутой в середину двора среди старой полуразвалившейся песочницы и ржавых поломанных качелей, бегающими визжащими детьми и неустанно следящими за ними родителями. Слегка склонившись, женщина держала в руках сумку и трость, подмышкой – свернутый плакат. Поправив поля тонкой шляпы, стуча тростью, она направилась вперед, сквозь тени нависших ветвей деревьев, мягкую стену воздуха и духоты, в направлении высокой арки между домами, узкими шажками поглощая намеченный ею отрезок пути. Шла медленно, как раньше с мужем, привычно прищурив глаза, рассматривала в тенях и бликах окружающий ее шумный мир, покрытый трещинами асфальт, кучевыми облаками — небо. Вокруг прыгали, плясали, кувыркались дети, беспокойно разрезали бегом грунтовую подушку двора, рассыпая за собой отзвуки смеха и визга, едва долетающие до ее единственного слышащего уха. Она, улыбаясь, представляла как ее внуки, увезенные родителями в другой город, также наполняют громадные кварталы высоток своей залиvistой звонкой радостью, разбегаясь во все стороны. Внезапно она остановилась, испуганно вспоминая, взяла ли деньги, не забыла ли очки. После увеличения стоимости проезда она, обитая в скомканном мире собственной квартиры, небольшого двора и ближайшего продуктового магазина, пересчитав скудную пенсию, решила не пользоваться общественным транспортом.

Проверив сумку дрожащей рукой, вновь вспомнила о причине своего путешествия. Перебирая на вкус слова громкие и возмущенные, запланированные для едкого высказывания, она подогревала свою решимость возникающими картинками проведенного ею позавчерашнего дня на хрупком табурете возле входной деревянной двери в ее квартиру, с усилием прислушиваясь к ожидаемому стуку давно знакомого почтальона. Поставив перед собой старый будильник, она окунулась в чтение любимого детективного романа, не забыв направить рабочее ухо в сторону двери, часто проверяя убегающее время.

Час-другой она, вставая, разминала затекшие ноги и больную спину, разрезая тишину своими вздохами и мольбой, но опомнившись, вновь возвращалась к почетному караулу. После обеда, сражаясь с приступами беспокойства и головной боли, она прислонилась ухом к двери, пытаясь услышать обычно узнаваемые сразу шаги, затихающие рядом с квартирой. Но в безмолвии и пустоте подъезда сквозило лишь чувство изоляции, а женщина слышала только гул в собственной, внезапно заболевшей голове. Поджав губы, шепотом сообщая своей квартире подозрения (вдруг не услышала стук), она присела за свой старый трельяж, стараясь не вглядываться в зеркало. Большие кнопки телефона, давным-давно подаренного сыном, нажимала медленно, сверяясь с написанным в блокноте номером соседки. Сбившись со счета гудков, наконец, она услышала шуршащий голос подруги. В воздух поднялись громкие приветствия, вопросы о старых болезнях, жалобы на новые недуги. То шепотом, то с придыханием, перебывая друг друга, сетовали на стоимость лекарств, продуктов, на все и вся, привычно вспоминая молодость и бывшие лучшие времена. Вскоре она задала самый главный, волнующий ее сердце и голову, вопрос, а после слушала обескураживающий ответ подруги, сообщающей, что пенсию принесли час или два назад. Перезвонив всем своим соседкам, она поняла, что пенсию получили все, кроме нее самой.

Трясущимися от негодования руками, она позвонила на почту, собираясь с силами, чтобы громко возмущаться, вопрошать, жаловаться на государственный произвол, но услышала лишь короткие гудки и обрыв связи. Остаток вечера и следующий день она атаковала почту настыр-

ными, надоедливими звонками, вливая через руку в трубку весь свой скопившийся гнев и справедливое возмущение, но по-прежнему слышала только собственные попытки дозвониться, короткие гудки, сменяемые длинными, заштрихованные треском на линии. Единожды ей удалось поговорить с незнакомой девушкой, взявшей трубку, но тут же скрывшейся за шипением, вновь прерывистыми гудками и оскорбительной тишиной. Бросив телефонную трубку, она громко хлопнула ладонью по трельяжу и выругалась в воздух квартиры, часто дыша и слабо сжимая хрупкие кулаки. Привычно взяв рамку с фотографией мужа, ещё молодого и черноволосого, она спрашивала его, смотрит ли он на нее оттуда, сверху, там, где ждет ее уже давно. Потом вновь вспоминая, начала рассказывать ему, как рассказывала раньше, много раз, об их прошлой активной жизни, проведенной в митингах и публичных демонстрациях, рассказывала вдохновенно и радостно, желая вернуться в то время, когда она была молода, а волосы её были длинными и волнистыми, желая ощутить дух всеобщности и равенства, поглощающий в толпе. Глаза ее широко открыты, а дыхание быстро. Скандируя перед фотографией, она нашла старые пожелтевшие большие листы и полупустые разноцветные фломастеры.

Оставив позади беспокойный двор, она вышла на длинный, уходящий вверх тротуар, зажатый в парке между кривыми рядами скамеек, изгибающийся на солнце под ногами прохожих. Медленной поступью, опираясь на трость, продолжила свой путь, часто дыша и останавливаясь на короткий отдых, присаживаясь на лавочку, разминая отекающие ноги, успокаивая вибрацию сердца, чувствуя топот копыт внутри висков, пытаясь разогнать бумажным веером жару. Обтекающие вокруг незнакомцы-пешеходы не замечали ее, не смотрели на нее, предпочитая вонзить взгляд в далекий убегающий горизонт или неизвестные ей электронные устройства, являющиеся, по ее мнению, оковами души. Проходили минуты, проезжали машины, пролетали сорвавшиеся с губ осколки разговоров.

Внутри душного помещения почты, лишено исправно работающего кондиционера или вентилятора, шуршали письмами и газетами, важными замечания и письменными жалобами, жужжали недовольством в длинных очередях. Отирая лицо платком, она обошла последовательно все открытые окошки, равно вмещающие добродушные и недовольные лица сотрудников, блестящие потом на лбу, каждый раз натываясь на пошатывающуюся человеческую связку-очередь, строгую просьбу ожидания, требование соблюдать правила. Встав в центре зала, она развернула плакат с надписью «ПОЗОР!» и, подняв его над головой, громко восклицала, требуя пенсию. Окружающие ее недоумевающие посетители смотрели: кто, — широко раскрыв глаза, — кто, — презрительно прищурившись, обливая безмолвным негодованием и переливчатым шепотом. Некоторые подпрыгнули и вскрикнули от неожиданности, молодые люди смотрели на нее, поджав губы, качая головами, пара-тройка седых, привалившихся к стенам, подхватили клич, вторя ее требованию. В горле запершило, кто-то закашлялся, попросил воды, свежего воздуха.

Молодая сотрудница позвала ее, намереваясь принять, только бы она закончила кричать-визжать, прикрывая глаза и уши от поднявшегося гвалта недовольства и возмущения сограждан, требования поторапливаться, делать свою работу своевременно и качественно. Прижав свое усталое морщинистое лицо к окошку, забыв всю решимость, желание восклицать недовольно, показывая вид оскорбленный, негодующий, обещая жаловаться, угрожая всем и каждому увольнением, она попросила голосом робким, затухающим, объяснить, почему ей не была принесена пенсия. Называет себя, протягивает паспорт, послушно слушает звук клавиш, цокот каблуков недовольных посетителей, приглушенный разговор возле соседних окон. Сотрудница, бегая глазами по монитору компьютера, проверяет неизвестные данные, совершая, по мнению женщины, удивительные, непонятные вещи, останавливается, поворачивает к ней свой равнодушный взгляд, сообщая:

– Вы умерли!

Прищурив глаза, женщина просит повторить, думая, что поврежденный слух подвел ее, но, заново услышав громкий ответ сотрудницы, она округлила глаза, ожидая улыбки, шуточки.

– Так... я ведь жива! Что же... вы меня не видите?

– В данных так указано. Возможна, конечно, ошибка, но маловероятно.

Женщина почувствовала, как мешок с ледяными иглами разорвался у нее в животе, вновь застучало сердце, заломили виски. Она просит еще раз проверить. Что за вздор? Вот же она! Но узкие губы девушки неумолимо громко повторяют бесчеловечный вердикт, а после сухим голосом сотрудница просит ее уйти, освободить очередь, называет мошенницей. Бессильно вскрикнув, женщина просит окружающих подтвердить, что она жива, но жесткие пальцы и плечи нетерпеливых граждан подталкивают ее в спину, на выход, в неподобающе яркий солнечный день ее смерти.

Ощущая слабость в ногах, головокружение и сильную давящую боль в груди, она роняет трость и падает на ближайшую скамейку, вновь отдуваясь, жадно хватая воздух. Она молится истово, громко, выпрашивая помощи, прощения, просит сохранить и помиловать ее. Перед ней вспыхивают яркие искры звезд, пульсируя на деревьях, лицах прохожих, пыльном тротуаре. Протягивая куда-то руку, она зовет сына, хочет еще раз увидеть внуков, услышать их беззаботный смех, но дыхание ее прерывалось, потухало, замирало, на глаза накатывалась прозрачная пелена слез, а потом плотная темнота отгородила от тревожного дня, оставив неподвижно лежать на лавочке.

Тунеядец рассказ

Его только что выгнали из кабинета. В одиночестве и мраке Клим, держа в руках документы, свою трудовую книжку, постоял секунду-другую, а после медленным шагом направился вниз по лестнице. Этаж, следующий, стараясь дышать медленно и ровно, размышляя, что увольнение не первое в стране и не он единственный был когда-либо уволен. Он все еще слышал эхо хриплого голоса директора, называющего его тунеядцем. Проходящие мимо бывшие коллеги едва заметно кивали ему, укромно пожимали руки, словно опасаясь заразиться от него неудачей увольнения и не желая быть замеченным рядом. Шагал он ровно и размеренно, ожидая, что вскоре на него навалится каменная глыба воспоминаний, и прижмет к земле так сильно и быстро, что выдавит слезу утраченных возможностей и разочарования. Но его ботинки скользили по ступеням, построенной давно, величавой лестницы, едва касаясь мрамора. Все в кабинетах и коридорах теперь казалось чужим и словно покрывшимся коркой увядания. Его письменный стол, бумаги на нем и прочее, раньше представлявшееся очень важным и содержащим великий смысл задуманного, найденного, полученного, теперь уже заняты подоспевшим свежим кандидатом на образовавшуюся вакантную должность: лицо его румяно и молодо, наверняка едва окончил университет, и по повелению распределителя работы на бирже труда направлен сюда взамен постаревшего (в глазах немногих) и ставшего негодным.

На улице в вязком облаке выхлопных газов автомобилей, просеянном через облака солнечном свете, Клим направился к автобусной остановке, стараясь держать голову, вновь забитую мыслями о поиске работы, высоко, прямо, словно доказывая окружающим прохожим свою уверенность, свою решимость в скором времени все исправить. Но во взглядах пешеходов ему виделось презрение и отвращение к очередному нерадивому работнику, ставшему тунеядцем по своей вине. И не спросят тебя о причинах увольнения, виноват всегда сам.

В автобусе душно, кажется, все смотрят только на него – испуганного бездельника без нашивки трудоустроенного на плече: ее в кабинете директора сорвали, точно погоны военного преступника; он ожидал плевка в лицо, но получил только толчок в спину, подбирая трудовую книжку с пола, брошенную будто ненароком, но под глумливо-презренную улыбку помощницы директора. По электронному табло автобуса бежит-спешит срочная информация — новости, необходимые всем и каждому: о военных действиях, о повышении налогов, о проводимых где-то далеко, за морем, в другой стране, праздниках, и самое важное — низкий уровень безработицы, достигнутый трудом и потом народных избранников и их недюжинных умов. Красными светящимися буквами и цифрами регулируется настроение народа, выжигая на роговице глаз основы государственного бытия. Искрящийся воздух наэлектризован, все в автобусе в унисон судорожно громко вздыхают, а кто-то вскрикивает: уровень безработицы увеличился! Многие начинают откровенно громко проклинать тунеядцев, не стесняясь, выбирая слова грязные и неблагородные. И это в кризис! Когда нужны руки и силы каждого, нужна помощь солдатам, охраняющим наши границы и защищающим весь мир от грязных мыслей пожирателей культуры, разрушающих цивилизацию своим бесцельным образом жизни. И кто-то смеет нагло увольняться с работы, согласно кивая и направляясь в сторону указующего перста начальника, не догадываясь, что это, скорее всего, проверка на преданность и трудолюбие: умоляй о прощении, проси снизить оплату, но останься на рабочем месте, добивайся лучшего для всех. Но в итоге вина всегда на тебе; опоздал, ослушался, не исполнил приказ, обязанности свои забыл, а результат — потерял работу, повысил уровень безработицы, ухудшил и без того сложное положение.

«Тунеядцы – предатели Родины!», — кричат плакаты везде и всюду, рекламные вставки в сети и на телеканалах.

Дома Клим задвинул шторы, включил музыку и постарался оградить себя от окружающего мира, планируя остаток дня провести в медитативном размышлении о случившемся сегодня. Ни голод его не мучил, ни жажда, только нужна была тишина и единение, будто в темноте комнаты и своем разноцветном воображении он искал работу или пути ее поиска, как всегда составил последовательный план, рассчитывая на оставшиеся деньги приобрести необходимые подарки важным личностям. Моргнув дважды, он встает и только успевает прилечь на жесткий диван, готовясь по привычке воткнуть взгляд во включенный телевизор, а в дверь уже стучат, сопровождая стук трелью звонка. Он и не заметил, как вечер наступил на город тяжелой черной подошвой. Щелкает замком и в квартиру забегают Кристина – его девушка, разбрасывая свои вещи: пальто, сапоги и сумку. Выпив залпом бокал вина, прятавшегося не один месяц в его шкафу, она громко выдыхает приветствие и прыгает в его объятия.

Почти также, шаг в шаг, прыжок в прыжок, она повалила его на мокрый после дождя тротуар полтора года назад, когда преследовала очередного тунеядца, завершая практику в социально-педагогическом университете. Безработного в итоге догнали, скрутили, связали руки, арестовали, затолкали в ржавый полицейский фургон и увезли в известном направлении, сопровождая руганью и громкой сиреной. Вставая, отряхиваясь, задевая коленом его живот, Кристина раздраженно фыркала, недовольная, что поймала тунеядца не она, а сокурсник, а во всем виноват этот прохожий, и как там его зовут... Клим улыбался широко и глупо, предлагая помощь девушке, протягивая руку, желая познакомиться, называл свое имя. Едва задев его взглядом, она тогда направилась дальше по улице, желая уйти скорее, быстрым шагом, гордо подняв нос, а Клим шел рядом, шутил, брал ее руку в свою, словно не замечая большую разницу в возрасте и позабыв обо всем и сразу. После он ждал ее возле университета, высматривал в шуршащей сапогами и ботинками толпе – выходцев из семей достойных и послушных, в которых никто ни разу не был заподозрен в тунеядстве. В итоге, своей широкой улыбкой и взявшейся из потайных комнат его души настойчивостью, он уговорил ее пойти на свидание. По такому случаю он надел свой нерабочий костюм, а она – выходное платье. Весь вечер они говорили о работе: в основном о ее будущей профессии, о благородстве всех честных рабочих и тех, кто выявляет и преследует тунеядцев, словно не замечая за панорамным окном ресторана волнующееся море пикетчиков, протестующих против реформы тунеядства с большими плакатами и громогласными возмущениями, а вскоре убегающих от униформенно одетых сотрудников правопорядка. Прогуливаясь поздней ночью по мостовой, ступая по оставленным в спешке погони плакатам, Клим и Кристина держались за руки и высматривали в кривом, словно электронная линия сердцебиения, горизонте города свое загруженное работой будущее.

Вечером, на смятой простыне, оба лежат, не двигаются, высматривая в прямоугольнике приоткрытого балконной дверью города скупые созвездия, едва проявленные в туманном свете пригородных малоэтажек. Она проводит рукой по его животу, выше, щеке, заворачиваясь в одеяло и, словно, желая укрыться его ногами-руками.

– Слишком много работы, много звонков, все жалуются, пользуясь анонимностью, что перерабатывают, задерживаются и так далее, всю жизнь без отдыха и пенсии за низкую оплату... – начала девушка, словно он спрашивал ее об этом – Столько трусов и тунеядцев! Вокруг одни бездельники. Найти бы каждого и пристрелить. Но я же должна оказывать моральную и психологическую поддержку! Направлять на путь истинной любви к стране. А еще рядом сидит эта заплывшая напарница! Именно напарница, даже имени не хочу ее называть. От нее смердит луком и протухшей рыбой, видимо спрятанной в закромах ее старой просаленной формы. Между звонками она выливает на меня подробности своей жизни, описывая все кулбиты, которые она делает в постели со своим мужем, пока дети топчут мраморные полы вечер-

них курсов выявления потенциальных тунеядцев. И каждый день я слушаю и сдерживаю свой гнев, ведь я профессионал! Но сегодня после окончания рабочего дня, во время сверхурочных, когда она вновь начала жаловаться и хвастаться, окуная меня в протухшие подробности предпочтений ее мужа, я вдруг зашипела на нее, оскалив зубы, словно молодая львица. Напарница умолкла и сделала вид, что отвечает на звонок. Я вышла в туалет и громко долго смеялась, вспоминая выражение ее лица. Представила, как раньше, что она сдалась, стала предателем-тунеядцем, и я, широко улыбаясь, бегу за ней по солнечной дороге, догоняю и на глазах у директора бросаюсь на нее и, схватив-скрутив, надеваю наручники на ее пухлые запястья. И внезапно я захотела вина и тебя.

Она умолкла, делая вздох-другой, после словесной пробежки по ступеням памяти и лестницам воображения. Этажом выше включили телевизор, и телеведущий громко начал оповещать жителей страны о новых подробностях военных действий, о соотношении производительности населения к уровню безработицы, не забывая хвалить и прославлять новые правительственные меры, применяемые к тунеядцам. На широком экране беззвучного телевизора в темноте комнаты, они видели того же ведущего, безмолвно слово в слово повторяющего текст за своим двойником этажом выше. Но вот он сменился картиной тесных рядов новичков, пополнивших отряды выявления тунеядцев. Чеканят шаг в ареоле родственников и гордых сограждан, теснящих тротуары и проезжающий мимо транспорт. Мигнув, экран сменился новым репортажем – новостями с очередной облавы, устроенной на притоны тунеядцев: из подъездов и квартир выводят помрачневших исхудалых людей, послушно молчаливых и будто познавших свое нарушение, свое преступление против всех и каждого.

Кристина, воспользовавшись молчанием, решила продолжить свои жалобы, но он резко ее прервал. Вонзив в него взгляд, недоумевающий и обиженный, она потребовала объяснений. Ему интереснее тунеядцы?! Она резко села на кровати, скрестив руки. Он и забыл ее приступы детских капризов, ранее умилявшие его и приводящие в восторг, но теперь изводящие и раздражающие.

Приподнявшись, он откинулся спиной к стене.

– Меня уволили сегодня, — сказал он, закурив и вновь всматриваясь в блеклые созвездия далеко, за окном, в полумраке.

Молчание девушки ярким контрастом с еще недавно непрекращающимся изливанием проблем и мыслей повисло в завихрениях дыма. Дыхание ее замерло и она, широко раскрыв глаза, смотрела на него, стараясь угадать, шутит ли он, в своей привычной манере выдерживая каменное лицо до последнего, пока она не начинала топтать и бегать по квартире требуя, выпрашивая, негодуя и откровенно приходя в ужас, но потом из него, наконец, со звуком лопнувшего шарика выходил смех и весь задержанный воздух, чтобы не проколоться раньше задуманного и довести ее до нужной температуры гнева. Но сейчас он прямо сказал, что не разыгрывает ее. Лицо его было не каменным, но хмурым и полным ярости.

И вот осознание случившегося заполнило ей голову и глаза, проникнув в мысли. Тишина поздней ночи треснула от крика Кристины. Она рассекала комнату вдоль и поперек, расталкивая сваленные книги и журналы, позабыв, что нагая, всплескивая руками столь привычно для нее и одновременно обычно, подобно плаксивой героине из множества прочитанных ею любовных романов. Одевшись, она начала демонстративно собирать вещи, громко шагая, словно желая, чтобы соседи снизу стали свидетелями их ссоры, их и его позора тунеядства, но только позже осознала, что ее вещей в этой квартире нет, а одежда, брошенная в наспех найденный пакет – Клима. Потом она сидела на полу, едва сдерживая слезы, бормоча что-то о наказании, о вечном презрении, постигшем его, а он обнял ее, пытаясь утешить безмолвно и слабо. Внезапно она подскочила, невольно, а может быть, намеренно ударив плечом в подбородок своего избранника, и твердым голосом заявила, что не останется с ним ни на секунду, пока он все не исправит. А потом второй раз за сутки он услышал громкий стук захлопнувшейся двери.

* * *

Следующий день — солнечный, но холодный, острым ветром подгоняет укутанных в шарфы и пальто пешеходов вперед, быстрее, кусая за щеки и нос. В рядах прохожих бежит и Клим, в таком же пальто, надетом поверх чистого отутюженного костюма: лицо выбрито, волосы причесаны. Бежит, еще ощущая запах автобуса, набитый достопочтенным населением страны, устремившимся на славную работу ради всеобщего блага. У всех глаза горят гордостью за свершаемый труд, решимостью работать больше и качественнее, без отдыха и благодарности; лучшая награда для них — благополучие родины.

Пройдя пару перекрестков, он резко останавливается в воротах биржи труда — величавого и будто надменно смотрящего небоскреба, с треснутыми стенами и панорамными окнами, окруженной толпой безработных просителей, молодых и старых, черноволосых и седых, подобно человеческому забору. Все спорят с охранниками и представителями бюрократии, требуют и угрожают, показывая кулаки пыльным окнам здания. Пальто их грязные и старые, волосы свалявшиеся и лохматые. Где-то кричат слишком громко, начинается истерика, переходящая резко и неожиданно в давку. Слышится выстрел, спугнувший стайку птиц с дерева и стайку людей с тротуара. Исхудалых бунтарей уводят и уносят, оставляя за одним из них багровые капли и лужицы. Кто-то спрашивает, кровь ли это, но всех успокаивает представитель бюрократии, отвечая, что, разумеется, нет. И все, облегченно вздохнув, продолжают церемонно просить и требовать работы.

Осмотревшись, Клим подходит к одному тунеядцу, в спокойствии и словно в безмятежности привалившемуся к воротам. Скрестив руки и глубоко вдыхая осенний воздух, человек наблюдал за происходящим.

— А почему ты не требуешь работы? — спросил Клим тунеядца.

— В итоге всем достанется работа, — ответил тот. — Им нужно понизить уровень безработицы, так? Я бы и не пришел сюда, но жена заставила. Не может она наблюдать за моим бездействием, не верит словам моим. А я прав! Ты видел где-нибудь бездомного? Хотя бы одного? Вот же. Иначе зачем тогда увольнять и негодовать о безработице? Только притоны тунеядцев иногда находят, но всех же направляют на принудительные работы. Может и нам найти эти притоны..?

Он задумчиво опустил взгляд, словно в поисках подсказки на своих ботинках или россыпи окурков.

В словах незнакомца сквозила логика, так необходимая всем, но Клим не хотел ждать, а намеревался сдержать обещание и взять свое. Он вновь огляделся; человеческое море бушевало и волновалось, головы голые или покрытые шапками, качались и кивали в такт словам особо голосащего просителя.

— Почему не пускают никого? — спросил он снова тунеядца.

— Всем не хватает места. Только некоторые проходят, но секрета не открывают, как им удалось.

Виляя между тунеядцами, натываясь на спины и плечи, Клим подошел к главному входу в здание. Сквозь шум и гам спросил в ухо у охранника «сколько?», после ответа постоял, подумал, чуть снизил ставку, вновь поторговался, и вскоре вложил в карман охранника свернутые купюры в затребованном количестве. Поднялся на ступеньку-вторую, а на третьей — другой охранник: скалится, смотрит прямо и словно не замечает его, но уши приготовил, чтобы слушать и запоминать. Клим вновь спросил, подумал, предложил, подумал еще раз, и очередные свернутые ассигнации спрятались в кармане униформы. Следующие ступеньки, считает, радуется, но в дверях его встречает представитель бюрократии: карманы его глубже, а уши больше. С похудевшим кошельком Клим, наконец, вошел в здание биржи труда.

От двери и дальше виляют и прячутся коридоры лабиринта биржи, заполненные работниками и просителями: каждый сидит в прозрачной кабинке за столом, тянет руки к сотруднику биржи, перелистывающему кирпичи томов, втыкающему носы в мониторы компьютеров, но по-прежнему вертящему отрицательно головами: работы нет.

Стирая подошвы, Клим обошел весь первый этаж, второй, выше, на лифте поднялся на самый верх и там, в ворохе бумаг и сотрудников, отзвуках кашля и ругани, шепелявой мольбы, он нашел свободный стол и скучающую молодую сотрудницу, всем видом выказывающую желание помочь, найти, трудоустроить. И вот он, разительно отличающийся внешним видом от остальных нерадивых просителей, приземляется перед ней на деревянный жесткий стул и едва ли не пальцами указывает на свое превосходство вкуса и стиля перед всеми тунеядцами. Он уверен, это должно ему помочь найти работу незамедлительно.

Сотрудница улыбается широко и радушно, записывает его личные данные, стучит ногой по столу в такт секундной стрелке и, минуто спустя, показывает внушительный список вакансий, подходящих его образованию и стажу. Вздохнув с грустью, не забывает добавить поправку: все вакансии забронированы.

– Как же это так: «забронированы»?! – восклицает Клим, но сразу жалеет о своей несдержанности.

– Все свободные вакансии забронированы для выпускающихся в скором времени студентов нашего города и страны.

– А я? Все остальные нуждающиеся в работе? Как нам жить? Как исправить ошибку? Снизить уровень безработицы, это нужно всем, это главное! Я готов! Позвольте...

– Вы и другие... тунеядцы сами виноваты в своих ошибках, и никто не обязан помогать их исправить, так ведь? – сотрудница биржи вновь широко улыбнулась ему.

– Но для чего здесь сидят все эти работники? Зачем нужна биржа труда, если она не может трудоустроить...? – голос Клима захрипел и упал до шепота.

– Это наша работа и мы каждый день помогаем своей стране и ее добропорядочным гражданам! – девушка слегка привстала, устремив взор сначала вдаль, а после сурово посмотрела на Клима, словно на глупого школьника, не понимающего предмет, не желающего понять основы жизни.

Клим дышал часто и кратко, сжимал кулаки, намереваясь излить скопившийся гнев и боль несправедливости, никто не спросил, почему он был уволен, как и подобает, все винят его. Он услышал тяжелый гул где-то в глубине себя, своей головы, в ушах застучало, и сквозь шум он различил громкий стук: в соседней кабинке проситель-тунеядец ударил кулаком по столу, требуя немедленно предоставить ему работу. Вокруг него вскрикнули сотрудницы биржи, остальные просители насторожились, а из полумрака лестницы и распахнутых ртов лифтов появились охранники, блестящими дубинками сверкая на редких солнечных лучах, неумолимо вежливо прося разбушевавшегося тунеядца пройти за ними, дальше, вниз, прочь из здания, напоминая ему о необходимости соблюдать нормы поведения и правила общения. Едва болтающиеся створки дверей, ведущие на лестницу, сомкнулись за широкими плечами охранников и узкими согбенными – безработного дебошира, Клим услышал приглушенную возню, глухие вскрики и удары.

Внезапно закашлявшись, Клим почувствовал усталость во всем теле, и не было сил больше спорить или скандалить, не получит он здесь работу, но своего добьется, со временем, позже, как всегда.

На улице, вновь в густом тумане, выдыхаемом из ртов бунтующих просителей, он обошел здание, вытирая плечом шаткий забор. Возле дороги на тротуаре сидел тот возмущавшийся тунеядец: лицо его в кровоподтеках и ссадинах, пара пальцев поломана, а на одежде появились новые дырки и пятна грязи. Смотрел он прямо перед собой, словно под гипнозом, не замечая прохожих, морщивших носы, обливающих его презрением и недовольством. Кто-

то громко спрашивал, уберут ли его, наконец, с тротуара, но большинство задевало его туфлями и ботинками, наступая на распластанное пальто. Проходя рядом, Клим захотел помочь ему, поднять с грязного асфальта, отвести в его дом, если он у него остался, обработать побои и царапины, поддержать душевным ободряющим разговором, но грязь и смрад, опустошенный вид, привлекшее к нему всеобщее внимание, спугнуло Клима. Он не мог позволить себе оказать помощь тунеядцу, тогда и он бы стал подобием этого падшего бездельника, а Клим не хотел становиться с ним в один ряд, он вернет себе уважение. Шагал он быстро и широко, вперед, мимо тунеядца, стараясь не смотреть на него, опасаясь столкнуться взглядами и словами. По-прежнему чувствуя усталость, он троллейбусом, а затем автобусом, вернулся домой.

* * *

Проходит день, второй, неделя... Он шуршит газетами, журналами, листая страницы с объявлениями, предложениями работы, заработка, вакантных должностей, рыщет в сети, оставляя заявки и резюме. Звонит по каждому оставленному номеру телефона, предлагая свои услуги поставленным голосом, но неизменно слышит везде и всюду отказ, едва упоминая о своем увольнении. Он постоянно ходит на биржу труда, отдавая оставшиеся запасы финансов в прожорливые карманы охраны и прочих, ставших на пути, подмигивающих и туманно дающих надежду на трудоустройство, но вскоре невинно пожимающих плечами и наигранно извиняющихся, что не смогли помочь, увы, прости.

Клим звонил друзьям, и все как один хотели прийти, помочь, устроить на работу, успокаивая ментальными похлопываниями по плечу и тяжеловесными обещаниями. Он звонил Кристине, и она отвечала, спрашивала о его поисках вакансии, что он делает, куда ходит, часто ли посещает биржу труда? Вскоре она, слыша от него только жалобы и стоны, а в особенно тяжелые дни — гневные тирады, что работу не найти никогда, перестала отвечать на звонки, перестала открывать дверь своей квартиры, скрывшись за толстыми стенами и короткими гудками в трубке. Он бы позвонил родителям, навестил их, попросил бы помощи и как в детстве отец бы отгородил его от всех проблем, нашел бы работу, а мать утешила его. Он бы позвонил им, но они мертвы.

Небоскреб биржи ежедневно осаждают толпы просителей, некоторые не оставляют свои посты ни днем, ни ночью, охрипшие от требований и прошений. И смыслом их существования стала мольба и требование: то протянутая для подачи ладонь, то каменно-сжатый кулак. Гнев и обида соседствуют с коленопреклонением и слезливой верностью. Каждый миг в их сердцах и голове идет борьба за себя и свободу или желание получить заветную работу и, наконец, реабилитировать себя в глазах всех и каждого, вернуть родных и близких, друзей, стать обычными, как все.

Месяц-другой, и Клим стал замечать, что просителей не становится меньше, но некоторые больше не появляются, а на смену им приходят новые, чистые, выглаженные и причесанные, подобные ему двухмесячной давности. Значит, работу возможно найти! Его одежда поистерлась, покрылась пылью и пятнами грязи, он стал забывать причесываться, да и волосы мыть было нечем. Появились заботы важнее, насущнее: что есть, на что купить, как смотреть в глаза продавцу, считая оставшиеся копейки, вываленные из кармана вместе с крошками и прочим, попавшим в него после осмотра мусорных контейнеров.

Через два месяца он смог устроиться уборщиком. Неофициально. За дневную оплату. Маленькую дневную оплату. И это словно возвысило его, подняло над всеми тунеядцами. Он снова живет, ест, как раньше, спит больше и спокойнее. Клим стал забывать ходить на биржу труда, отмечаться в толстой потрепанной тетради, означавшей его несостоятельность и лень.

Вскоре, скрываясь под широкими зонтами, брызгая стекающими каплями дождя, к нему домой, постучавшись, заходят трое сотрудников социальной службы. Один невысокий и худой,

двое рослых и широких. Костюмы их и глаза черны, а улыбки желтозубы. Кивают, представляются, показывая краснообложечные удостоверения в вытянутых худых и мускулистых руках, обтянутых мокрыми рукавами костюмов. Натоптав грязи и налив дождевой воды в прихожей, Худой спрашивает, могут ли они пройти, поговорить, обсудить «Ситуацию» Клим, а потом, кашлянув один, второй раз, все проходят не разувшись. Каждый по очереди плюхается в кресло и диван, прося кто чашку чая, кто — кофе, а после, среди завихрений дымки от трех горячих чашек с остатками чая и кофе, Худой начинает разговор. Голос его неожиданно высок и пискляв в тепле комнаты, после кипятка напитка.

«Вы – Клим К., тунядец, холост, бездетный и т.д.?» Ответ короткий и утвердителен. Но сначала позабыв, теперь Клим восклицает, что он не тунядец, он работает уборщиком уже неделю. Смотрите: деньги в кармане — ежедневные выплаты! И при этих словах нос его, голова и голос вздымаются ввысь, словно указывая на допущенную ошибку. Не смей называть его тунядцем, исправился он, осознал вину и вернул, благодаря честолюбию, свое уважение и гордость! Клим дышит глубоко и громко, широко раздуваются грудь и живот.

– Работа уборщиком официально не зарегистрирована, а значит Клим К. по-прежнему причисляется к тунядцам, – Худой говорил о нем в третьем лице, словно зачитывал приговор, но смотрел прямо в глаза Клим и, казалось, выискивал в них страх, гнев или непонимание.

– Но я же работаю на благо общества...

– Клим К. работает ради себя, вновь проявляя эгоизм и себялюбие, присущее всем тунядцам. Его трудоустройство никак не снижает уровень безработицы. Гражданин, предоставивший незаконную вакансию, уже наказан.

Потирая внезапно вспотевшие ладони, Клим почувствовал неловкость и словно неудобство от нахождения рядом с этими тремя, а после – стыд перед ними. Он поднялся с края дивана, на котором просидел неподвижно минуту или час, и вышел на кухню, кашлянув, укрывшись предлогом налить еще чая и кофе, а сам умылся под краном холодной водой и, не вытирая лицо, вернулся в гостиную. И вновь к дивану его пригвоздил взгляд шести широко распахнутых глаз. Обступив многоруким и многоногим чудовищем, трое потребовали рассказать подробности увольнения Клим К. и о действиях, которые он предпринял в поисках новой работы. Он, снова откашлявшись, отпив остывшего чая, подробно описал тот день, не забыв упомянуть о злополучной луже и неуклюжем водителе, о серо-желтом небе и не улыбочивых пассажирах в трамвае, словно применив словесные краски он сможет в очередной раз поднять себя выше, значимее над тунядцами. Короткими прыжками пробежался по первой половине того дня, а после рассказал о том, как директор вызвал его, улыбкой добродушной и дружеской настроил беседу в направлении трудолюбия Клим, его желания работать и перерабатывать, но по окончании долгого и величавого монолога директор предложил Климу работать бесплатно, с добавкой при этом нагрузки и ответственности. Разумеется, Клим не согласился и через час-другой был выставлен с позором, став прилюдно гонимым без права оправдаться.

Клим вздохнул широко и жадно, словно задерживал дыхание на все свое словесное негодование, свою жалобу, а теперь, избавившись от нее, поделившись с незнакомыми угрюмыми бюрократами, он ждал сочувствия и помощи, склонив голову и поникнув костлявыми плечами.

Внезапно, шурша влажными серыми костюмами, трое из службы социальной помощи поднялись и направились к выходу, мимоходом сказав Климу взять документы и следовать за ними.

Внутри темно-синего автомобиля вчетвером ехали долго, в молчании и тишине, часто страшивая с себя отсветы уличных фонарей и слепящие лучи проезжающих навстречу машин. Виляли по пригороду, преодолевая один перекресток за другим, улицы и переулки, отсчитывая внутри себя светофорные секунды и случайных пешеходов в столь позднее время. Вскоре выехали за город, и крошки светящихся окон от насаждений жилых домов скрылись из вида или слились с блеклыми созвездиями, которые совсем недавно он рассматривал вместе с Кри-

стиной. Когда он уже собирался спросить, куда именно его везут, они свернули с дороги на грунтовую тропинку, и среди кустов и деревьев, в высокой траве пробирались в неизвестном Климю направлении, подпрыгивая на кочках в сторону светящейся вдалеке лампы. И вот трава отступила, раскрыв широкую поляну, освещенную фонарем на крыше припаркованного на ней фургона, гудящий экскаватор и группу людей, стоящую на краю вырытой глубокой ямы. Все как один грязны и испуганы, одежда на них старая и потертая. Среди них Клим узнает взбунтовавшегося на бирже труда тунеядца и нескольких из притона, арестованных недавно, показательно освещаемо в теленовостях. В пяти-семи шагах от них вооруженные представители правопорядка и несколько парней и девушек, вероятно студентов социально-педагогического университета, проходящих практику. Учитесь и наблюдайте, как нужно снижать уровень безработицы!

Заглушив двигатель, вчетвером вновь сидят в молчании, словно ожидая друг от друга слов или поступков.

– Как же я ненавижу вас, тунеядцев, трусливых предателей! Вы всегда недовольны: нет работы или ее много, и всегда находите оправдание своему бездействию и лени, — Худой просеивал слова между зубами злобно, едва сдерживая копившуюся годами ярость, не повернувшись к Климу, продолжая смотреть перед собой за пыльное ветровое стекло. А потом, кивнув водителю, вышел из автомобиля.

Двое рослых и мускулистых помощников вытащили Клима и толкнули к остальным тунеядцам на край ямы. От страха он молчал и не мог устоять на ослабших внезапно ногах. Он хотел молить о пощаде, но во рту пересохло, а сердце стучало громко и гулко, и в легких не хватало воздуха. Клим беззвучно дышал, широко раскрывая рот, как погибающая на суше рыба.

– Вы все внесете вклад в дело снижения уровня безработицы! – крикнул Худой, и ночную тишину раскололи приглушенные выстрелы. Заработал экскаватор, а студенты едва успевали делать записи в тетрадях.

Работа, работа! рассказ

По волнам офисных слухов передавали из уст в уста, что на прошлой неделе умерли двое. Да кто поверит?! Не умерли, а ушли в отпуск, заслуженный, заработанный тяжким «кровавым» трудом и потом за рабочим столом. Их воспаленные глаза закрыты и греются вместе со своими хозяин под нежным горячим солнцем. Об этом сообщили по подкинутым к потолкам кабинетов громкоговорителям голосом мягким, елеиным, успокаивающим и одновременно будоражащим, заставляющим подняться ряби зависти и желания работать усерднее, больше, чтобы заслужить, подобно счастливчикам, право уехать, забыться, снискать уважение всех и вся.

Ему повезло в отличие от многих других, работающих этажами ниже. С каждым лестничным пролетом престижность выполняемой работы уменьшается, стекая до еле выживающих сотрудников Компании, которых либо сослали за недостаточное прилежание, либо распределили после плохого окончания учебы. И вот он – малоподвижный, задыхающийся от туги затянутого галстука и стянувшего живот ремня – привычно сидит за своим небольшим низким столом и стучит по печатной машинке, проговаривая каждый набираемый символ. Лист бумаги усеян расчетами, вычислениями, формулами и требуемыми значениями. Ошибка невозможна, ведь она грозит снижением баллов в общем зачетном рейтинге сотрудников: чем больше сумма баллов, тем выше этаж и ближе новый мир. Десяток профессионалов, занимающих верхние строки, ежедневно обсуждается всеми и вся: кто-то восхищается ими, кто-то ненавидит. Все жадно рассматривают таблицу успеваемости, почти облизываясь, но никто лично не знаком, не видел, не пожимал рук этих корпоративных небожителей. Они сменяются часто, набирают нужную сумму баллов и улетают на заслуженный покой. Громкоговорители повторяют их имена, призывая равняться, стремиться к их уровню.

Прогуливаясь по нижним этажам, он видел группу сотрудников низшего звена, одетых в футболки с напечатанными именами *Лучших из нас*, рассказывающих друг другу услышанное о *Них*, придуманное, желаемое. Еще немного и начнут поклоняться. А имена на футболках меняют исправно.

За окном он видит далекий часток офисных высоток, воткнутых в серо-черный океан их затуманенного перенаселенного мира. В каждой живут и трудятся на благо родины сотрудники единственной Компании (да будет благословенна Она!). Туловища небоскребов омываются дождем и ветром, подобно титанам, держат небо, всю оставшуюся страну, скрывая горизонт. Внизу, между ними, на оставшихся огрызках земли, среди лавин мусора доживают бедняки без работы, без смысла и цели. Гниют и жалуются, не в силах что-то изменить, добиться лучшей жизни, вернуться в Компанию. Шепотом ему рассказывали, что каждый день в остатках загрязненного океана, трусливо шумящего вдалеке, где платформа и взлетная полоса, десятки или сотни бедняг плывут к ней или неизвестно куда, часто утопая и жалобно крича.

И вдруг, словно щелчок, он часто моргает, чертыхается: высматривая остатки красоты мира, он потратил время непродуктивно, пусто, глупо. Там, вдалеке, другие обгоняют его, пишут больше, грамотнее, чище, их расчеты точнее и изящнее. Его пальцы устают, хрустят, но он не слышит их жалоб, капризного плача, обрушивает на пишущую машинку все свои силы и умения.

Включается сигнализация, загораются красные лампы под потолком. Все прекращают работу, и один за другим в унисон направляют взгляды вслед за указующим пальцем начальника отдела – за окно или в телевизор, а там – блестящий космический корабль выпускает пухлые клубы дыма, рычит двигателями и плавно прыгает над океаном в небо навстречу звез-

дам. Едва в облаках скрывается его тлеющий огарок, все заученно обливают комнату и друг друга громкими восхищенными аплодисментами, нетерпеливо подпрыгивая, крича восторженно и вдохновенно. Начальник повторяет: это их цель, ради этого они живут и работают. Их вычисления помогают строить новое будущее. Внутри корабля – надежда и новая жизнь, помощь недавно открытому миру, призванному заменить их – умирающий, безжизненный, бесцветный огрызок жизни. И все они будут в нем: им обещают по громкоговорителю, вселяя надежду и уверенность, когда будут готовы, когда исполнят свой гражданский долг. И каждый словно ощущает теплое прикосновение руки, одобрителное пожатие плеча свыше, наполняется благодарностью и приливом сил.

Поздним вечером он идет в свою комнату-ячейку, в тесноте стройных рядов сослуживцев, отираясь плечами и взглядами. В кипящей толпе лица одинаковы, скомканы задумчивостью и тяжелыми переживаниями о благе Родины. Каждый хочет работать, думает, как лучше, больше, быстрее, но заботливая Компания предписывает отдых. Кто-то злится: нет идей, голова тяжела, их тянет в сон, такой недолгий и бесполезный. Несколько часов безделья еженощно. Как тут не зарычать от праведного гнева добропорядочному работнику!

В изменчивых тенях коридора он замечает одного-другого знакомого, они учтиво приветствуют каждого кивком, взаимно, наигранно, словно близкие друзья, но разве могут они быть друзьями, когда каждый стремится обойти второго, стать выше, сильнее, почетнее. Улыбка, машут ладонями, оба соблюдают законный этикет, а после скрываются в спасительной толпе, облегченно вздыхая, что разговора не было. Рассказывать нечего, только о своих успехах, вызывая зависть и злость. Каждый видел себя в верхних строках рейтинга, он должен быть раньше на корабле, сбежать в новый рай.

По разным ответвлениям коридоров, мимо бесчисленного количества дверей и глаз, общих ванн и туалетов, откуда доносился плеск воды, бормотание, гул труб (все, кажется, отлито из металла и холода), он приходит домой. В небольшое окно его комнаты металлической стружкой стучит надоевший дождь. Письменный стол рядом, на его спине – бумаги, бумаги, бумаги, затупившиеся карандаши, старый калькулятор и сгорбившаяся лампа. Компания всем обеспечивает их, главное будь верен ей и работай, работай на благо всего.

Он вновь без сна проводит ночь, корректирует расчеты, возводит новые башни вычислений, изредка прислушиваясь к шуму волн и ливню, ставшему почти непрерывной частью их погибающего мира. В слезящихся глазах цифры мелькают и прыгают, убегают за волнистый горизонт, а он, протягивая ослабевшие руки, пытается схватить их и прижать, вернуть на податливую шершавую бумагу. Виновата не усталость, а запретные мысли о новой девушке, занявшей место в их кабинете и в его голове. Она пришла сегодня: неуверенный взгляд, застенчива и словно слишком юна для их работы. Вокруг взоры хищников, обращенных на ее невинно-детское лицо. Она будто не подозревает о предстоящем сражении за место, и не волнует ее вовсе полет и будущее. Каждый улыбался ей и приветствовал в их команде, желая успехов и удачи. Но, едва выйдя в коридор, тут же высказывался надменно и снисходительно о ней, ее внешности, не сползающей улыбке.

Она мешала ему работать, отвлекала от приятных дум о цифрах, о новом мире. Кажется, что и калькулятор перестал слушаться его, он стучит по нему, злобно нажимая на кнопки, карандаш не пишет, а царапает, дождь стучит громко, свет лампы слишком тусклый. Почему-то вспоминает фотографию своей жены на вершине обзорной башни, мебель в старой квартире, их пса по кличке...

Хрип-скрип, а после:

– Работа, работа! – механический голос диктора из громкоговорителя вернул его из бездумного забытья. Тело будто онемело, голова на дереве стола, а на щеке – часть расчетов: они отпечатались в почетную отметину.

Подпрыгнув несколько раз, бежит, уклоняется от встречаемых соседей, а после забега в столовую: завтрак быстр и питателен, с прибавкой чтения старого учебника – помощь в работе, и время проводит продуктивно.

Она, конечно, здесь.

Длинные черные волосы прямые и блестящие, вновь она отвлекает его.

Он наспех съедает все и раньше остальных приходит в кабинет, спешит напечатать ночные расчеты, отдать их во власть вычислительной машины, единственной, большой, мощной, стоящей в центре их комнаты. Едва приходит начальник, коллеги и все-все-все, он протягивает ему распечатку свежих данных, не сдерживая горделивую улыбку на своем бледном лице. Видит уважение и удивление во взгляде в его взгляде, бережно забирающего листы и уходящего за полупрозрачную перегородку своего отсека.

Развернувшись, он принимает безмолвные поздравления и похвалу коллег, их улыбки и пожатия рук, а после скорее принимается за работу, еще усерднее и прилежнее, с удовольствием отмечая, что на девушку даже не взглянул.

В плотном шуме печати, он не сразу замечает подошедшего к нему начальника. Снова улыбается, ожидая радости в его глазах, слов благодарности за добросовестный труд, но вот секунда-вторая, руководитель поджимает губы и роняет:

– Ошибка.

Его улыбка стекает быстро и, кажется, шумно:

– Расчеты проверены машиной!

Начальник тычет пальцем в его лист, размазывая пятна чернил:

– Ошибка не в расчетах. Ты принял данные на основе своих неправильных вычислений и ввел их в машину. Твоя ошибка.

Он слышит вокруг шипучий шепот, замечает ехидные улыбки сотрудников, их неподдельную радость: скоро рейтинг изменится в их пользу. Стоит неуверенно, щеки горят, внутри все пусто и, кажется, болит. Издалека он слышит голос – начальник требует от него объяснения, письменно, вечером... Он потратит остаток рабочего дня на составление оправдания, достоверного, чтобы его не уволили, не перевели на этаж или два ниже. Времени мало, рейтинг хуже, новая жизнь все дальше и дальше, словно убегает от него, едва появившись на горизонте.

Все взоры обращены на него, а он покрасневший, едва не падая, окунается в печать.

В гуще человеческой массы, в узком коридоре, он встречает ее, вставшую напротив, не позволяющую обойти, снова с привычной улыбкой. Приветствуют друг друга, сквозь окруживший их гомон, она смеется над его растерянностью и робостью постыдного просчета, словно распухшего в голове. Она спрашивает о его самочувствии, на лице – волнение и участие, хочет взять его за руку, а после:

– Ты написал, что в ошибке виноваты мысли обо мне? – ее голос высок и нежен.

Он кивает и пытается уйти, но вокруг только тиски толпы. Она вновь смеется, вызывая удивление, непонимание. Он обвинил ее, а она радуется. Глупа и наивна. Бегущие мимо, вперед-назад зеваки смотрят на нее подозрительно, нелепо, враждебно. Им чужды ее поступки. Как смеет она вести себя иначе?!

Растерянный, он ищет выход, высматривает любую прогалину в плотной связке пешеходов, будто понимающих его раздражение и страх и сгрудившихся теснее, улыбающихся ехидно и зло, в унисон. Девушка смотрит на него шутливо и доверчиво, делает шаг-другой вперед,

но он, словно от огня, отшатывается от нее, расталкивает охающих сотрудников и теряется за поворотом.

В столовой он со всеми чавкает, хлюпает, ест, читает. Вновь слышит шутку про себя: может, в отдел примут еще девушек, и все вновь помешают ему работать.

Вопрос или надежда?

Он лишь вскользь кидает взгляд и спешит скорее работать, исправлять, менять.

Сигнализация, запуск, аплодисменты. А он мог быть там, внутри, в облаках, далеко. Но смотрит на нее. Каждый день.

В комнате вечером, проверяя расчеты, он не мог знать, что она придет, нагрянет, разрушит его привычный распорядок, но вот стучит, и заходит в узкий проем, быстрее, быстрее. Осматривается, улыбается, приветствует его. Дышит часто, беспокойно. Он знает ее имя, а она знает его. В ее руках плитка шоколада, запрещенного, спрятанного, только для руководства Компании и *Лучших из нас*.

Она пришла извиниться — виновата в его просчетах.

Протягивает ему шоколад, ждет, а после молнией целует в щеку и быстро уходит.

Дождь сильнее, сильнее и громче сегодня обычного, прерывает шум печати и гул работающей машины в кабинете. Тучи смешиваются с серостью дня. Сегодня запусков нет. Новые пустые места в кабинете ждут достойных сотрудников.

Все работают, работают, спешат, соревнуются: кто быстрее пишет, считает, обрабатывает. Кажется, вот-вот возле рта выползет пена, а глаза – воспаленные, красные – выпрыгнут, покажутся. Над всеми довлечет властный взгляд начальника, подозревающий лишнюю усталость, высматривающий ошибки.

Он торопится наравне со всеми, изредка мотает головой – прогоняет мысли ненужные, пустые и одновременно наполненные до краев. Где-то вдалеке, за приоткрытым окном – вой собаки и человека, надрывно умоляющий кого-то пощадить его, сжалиться. Кричит, просит помощи, но голос его тонет в свалке отходов, стирается в дожде. Что было у него – забрали. Одиночество и горы мусора – наследие выживших.

В кабинете словно никто не слышит крик, каждый смотрит лишь на свой рабочий стол, изредка наверх: туда, куда все помыслы и мечты направлены у всех всегда, шаблонно и предсказуемо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.